

ИСПОВЕДИ ДУШ. СЕРДЦЕ ПРОТИВ ПРИКАЗА КОРОЛЯ

Врачеватель Душ

**Исповеди душ. Сердце
против приказа короля**

«Автор»

2026

Душ В.

Исповеди душ. Сердце против приказа короля / В. Душ —
«Автор», 2026

История, рассказанная мёртвым. Он был всего лишь пастухом, жившим в тени гор, но однажды ему пришлось встать на краю обрыва и решить, кто он: покорный исполнитель приказа или человек, способный на милосердие. Трижды к его дому приезжали всадники, трижды он слышал короткий приказ и трижды не смог подчиниться. Так в его доме появились трое чужих детей, а в сердце страх, что этот выбор будет стоить жизни всем. И когда этот страх сбывается, он не уходит в тишину, а остаётся, чтобы помочь тем, кто ему дороже всего. Это не просто история о спасённых детях. Это исповедь о том, как семья собирается не по крови, а по поступкам, и как одно «нет» может стать самым громким словом в жизни.

© Душ В., 2026

© Автор, 2026

Врачеватель Душ Исповеди душ. Сердце против приказа короля

Да будет слово моё истинно, ибо мёртвому лгать незачем. Поведаю вам быль, что свершилась в те времена, когда земля была старше, а люди ближе к праху.

Жили мы высоко в горах. До ближайшего села полдня ходу по каменной тропе, а до города, где сидел король в замке своём, ещё несколько часов. Тропы эти я знал все: каждая трещина, каждый уступ, каждый камень, что шатается под ногой. Знал, потому что рождался здесь и помыслил здесь умереть.

Она не была первой женою моею, но лучшей воистину. Детей у нас не было. Она не могла родить. Не спрашивал я её о причине. Знал, что рану пальцем не лечат, лишь растрavляют. Жили мы тихо. Я пас коз, она пряла шерсть. Порою спускался я в село за солью да железом, порою она за тканями. В город мы не ходили вовсе. Там власть, там королевские люди, там чужие глаза. В селе знали о нас ровно столько, сколько надобно: что в горах живёт бездетная чета, тихая, ничем не примечательная. И этого хватало, чтобы нас не трогали.

II

В тот день чинил я загон для скота, как вдруг донёсся до слуха моего топот копыт. Три всадника поднимались по тропе, а в наших краях всадники означали одно: волю короля. В ту пору король правил десницей железной, и слово его было законом, коему не перечили.

Не спешились они. Старший в шлеме, с лицом усталым, будто привык он возить свёртки и не глядеть, что внутри, кивнул мне. Один из двоих швырнул на траву нечто, завернутое в грубую ткань.

- Сбросить, - молвил старший. - С обрыва. По воле короля.

И ускакали, даже не оглянувшись.

Подошёл я к свёртку. Тёплый он был. То первое, что ощутил я не умом, не глазом, а ладонями. Тепло, какое бывает лишь от живого. А после звук тихий, глухой, будто кто-то бормotal во сне.

Должен был я нести его к краю. И понёс. Несколько шагов. Край был близок ещё десяток, и камни внизу приняли бы ношу, как принимают дождь. Но замер я.

Развернул ткань.

Мальчик. Крепкий, здоровый, с закрытыми глазами и ртом чуть приоткрытым. Спал он так, как спят дети, коим неведомо, что их хотят убить.

И тут не удержался я. Заплакал. Не от жалости, от страха и нежности разом. Держал я этот свёрток, и понял: не могу. Руки не пустят. Будь что будет, а камни этого ребёнка не получат.

Как донёс до дома не помню. Помню лишь, что прижимал его к груди, и он был тёплый, и дышал, и это было единственное, что имело смысл.

Жена моя увидела свёрток и побледнела. Поняла всё без слов. Ужас был на лице её не тихий, женский, а тот, от которого колени подкашиваются. Заплакала она, закрыв лицо руками, и я заплакал тоже. Смотрели мы друг на друга через стол, меж нами свёрток, и знали оба: это может стоить нам жизни. Каждый день теперь может стать последним. Сегодня, завтра, через месяц придут и спросят. И если найдут умрём все: и я, и она, и мальчик.

Но не могли мы его отдать.

- Стало быть, сын у нас, - молвила она, вытерев слёзы, и взяла его на руки. Прижала к груди, и он, пискнув тихо, затих. Будто знал, что спасён.

Кормили мы его козьим молоком, разбавленным водой, по чуть-чуть, чтоб не отторгся живот малый. Она не спала ночами: качала, напевала тихо, вставала, когда он пищал. Через неделю он окреп. Через месяц стал смотреть по сторонам. А мы стали привыкать к страху. Страх, вещь лукавая: иной раз он сковывает, а иной развязывает руки. Нам развязал.

III

Через два года опять топот. Те же трое. Тот же усталый старший. Тот же свёрток на траве. Тот же короткий приказ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.